

В.А. Чалый
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАТЕГОРИЧЕСКОГО ИМПЕРАТИВА
ДЖОНОМ РОЛЗОМ В «ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ»¹

Рассматривается трактовка кантовского категорического императива Джоном Ролзом, выявляются некоторые существенные для этой трактовки особенности ролзовского понимания рациональности, соотношения интересов и конечных целей, ограничивающие возможности применения кантовской этики в рамках эгалитарного либерализма Ролза.

John Rawls's interpretation of Kant's categorical imperative is reviewed, some significant aspects of Rawls' treatment of key notions of rationality, interests and ends are revealed, which limit the possibilities of application of Kantian ethics within Rawls' liberal egalitarianism.

Ключевые слова: категорический императив, теория справедливости как честности, рациональность, разумность, универсализм, Иммануил Кант, Джон Ролз.

Keywords: categorical imperative, theory of justice as fairness, rationality, reasonableness, universalism, Immanuel Kant, John Rawls.

Для кантовской политической философии категорический императив имеет центральное значение. Он образует ядро всей сложной конструкции, объясняющей и регламентирующей нравственность, его соблюдение является условием человеческой свободы. Жизнь политическая, по Канту, возникает и развивается как попытка совместно реализовать нравственный

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00321а

закон — попытка, могущая иногда казаться обречённой в системе действительных общественно-политических практик, но исполнение которой есть долг человека как разумного и свободного существа.

Кантовский способ построения моральной и следующей из неё политической теории оказал глубокое влияние на современные деонтологические концепции. Три предложенные им в «Основах метафизики нравственности» формулировки категорического императива были взяты на вооружение тремя главными современными деонтологическими подходами — «агентоцентричной» (agent-centered), «реципиентоцентричной» (patient-centered) и контрактуалистской.

В данной статье мы рассмотрим интерпретацию категорического императива в контрактуалистской деонтологии Джона Ролза с целью раскрытия особенностей использования кантовского принципа в обосновании теории «справедливости как честности».

В отечественном и зарубежном кантоведении существуют некоторые не очень существенные расхождения в подсчёте числа предлагаемых Кантом в «Основах метафизики нравственности» формулировок категорического императива. Первые три не вызывают разногласий и получили названия «формула генерализации (универсализации)» (ФГ), «формула конечной цели» (ФКЦ), «формула автономии» (ФА). Пол Гайер полагает, что разновидностью последней является дополнительная «формула царства целей» (ФЦЦ) [4, с. 354]. Ролз, а также Онора О'Нил находятся среди тех, кто утверждает, что ФЦЦ является самостоятельной формулой, открывающей важные перспективы для политической философии. Четыре формулировки выделяет Т.И. Ойзерман [2, с. 21]. Отфрид Хёффе пишет об одной основной и трёх вспомогательных формулах [5]. Наконец, Герберт Патон [6] и Л.А. Калинин [1] добавляют к этим четырём пятую «формулу закона

природы» (ФЗП), справедливо полагая, что каждая из кантовских формулировок обладает самостоятельной ценностью, открывая новый смысл категорического императива. Кант указывает на то, что все эти формулы выражают один принцип, и что невозможно, чтобы они в какой-либо ситуации вступили в противоречие, и этот тезис в современной литературе не вызывает возражений.

Такова предыстория вопроса, теперь обратимся собственно к предмету данной работы.

Одним из самых оригинальных разделов «Теории справедливости» Джона Ролза является параграф 40 «Кантианская интерпретация справедливости как честности». Попытка осмысления идей Канта в терминах эгалитарного либерализма была продолжена Ролзом в статье «Размышления о моральной философии Канта» [10], во второй крупной работе, «Политическом либерализме» [9], а также в «Лекциях по истории моральной философии» [8].

Ролз начинает «Кантианскую интерпретацию» с анализа базового понятия кантовской практической философии — автономии. Кант понимает автономию двояко: как положение морали в системе нравов, определяющей с помощью права всю систему общественных отношений, и как сущностную сторону человеческой природы. Ролз сосредоточивается на втором аспекте. Быть автономным, согласно Ролзу, значит быть рациональным и свободным индивидом среди равных. Быть свободным означает здесь, в полном согласии с Кантом, действовать, исходя из нравственных принципов, диктуемых разумом, — в противоположность действиям из склонностей, навязанных животной природой². Указание на равенство вносит в смысл фунда-

---

² Употребление Кантом термина “природа” требует особого внимания. Природой он называет и неразумное несвободное начало, сопротивляющееся разумным свободным целям человека и одновременно дающее

ментального понятия автономии социальное измерение. В системе Канта равенство имеет сложное строение. Во-первых, это абсолютное *моральное* равенство любых субъектов, от физических лиц до юридических учреждений любой сложности. Во-вторых, это относительное *правовое* равенство неравных во многих отношениях субъектов, как физических, так и юридических. Отметим, что в понимание равенства в эгалитарном либерализме Ролза близко к кантовскому — однако, их соотношение требует специального внимания.

Наибольшие трудности — и наибольший интерес — для настоящего изыскания представляет интерпретация Ролзом понятия рациональности, входящее в определение автономии. В «Лекциях», изданных почти тридцать лет спустя, мы встречаем важную дистинкцию между понятиями «разумное» и «рациональное», свойственную, по мнению Ролза, кантовской философии:

«Рассуждая ... о человеческой личности, я использовал фразу «разумная и рациональная». Этим я намеревался подчеркнуть, что Кант использует термин *vernünftig*, чтобы выразить полное понятие разума, охватывающее и «разумное», и «рациональное» в нашем обыденном употреблении. В английском языке мы понимаем, что имеется в виду, когда кто-то говорит «их предложение в данных условиях было рационально, но в то же время неразумно». Примерно это означает, что «они» навязывают невыгодную и несправедливую (*unfair*) сделку в собственных инте-

---

средства для их осуществления, и мироздание вообще, когда говорит, например, о “целях природы в отношении человека” [2, сс. 229, 230, 231, 234, etc], что может заставить подозревать его в натурализме (см, напр., Bird, G. Kant and Naturalism. // *British Journal for the History of Philosophy*. Vol. 3, Issue 2, 1995). Очевидно, говоря о “целях природы”, Кант имеет в виду *квази-цели*, поскольку в собственном смысле целью может оперировать только разумное существо, среди которых единственным до сих пор известным нам является человек. В трактовке же Ролзом понятия “цель” видится неопределённость, допускающая натуралистическое толкование.

ресах, принятие которой они едва ли стали бы ожидать, не будь их позиция сильной. «Разумный» может также означать «обдуманый», «готовый прислушиваться к доводам», что подразумевает готовность воспринимать и принимать во внимание доводы других. *Vernünftig* может принимать в точности такие же значения в немецком: оно может иметь смысл и «разумности», и узкий (как у экономистов) смысл «рациональности» как продвижения собственных интересов наиболее эффективным путём. Кантовское употребление варьируется, но применительно к личностям *vernünftig* обычно означает быть одновременно разумным и рациональным. Его употребление понятия «разум» часто имеет ещё более широкое значение, сформированное философской традицией. задумайтесь о значении *Vernunft* в названии «Критики чистого разума»! Оно очень далеко отстоит от «рационального» в узком смысле. Вопрос о том, не включает ли кантовское понятие разума много больше, чем разум (этот вопрос я оставляю здесь без внимания), является глубинным» [8, с. 164-165].

Соображения Ролза конечно же правомерны. Рациональность мысли и поведения Кант связывает в первую очередь с их рассудочностью и прагматичностью (прагматическими, гипотетическими императивами). Разумность же и того, и другого определена морально-практическими свойствами разума, которым служат его теоретические свойства.

Существенно, что придавая тридцатью годами ранее теории «справедливости как честности» кантовское звучание, Ролз не принимает во внимание описанную в приведённой цитате дистинкцию и оперирует только термином «рациональность». Именно его мы встречаем в определении автономии, на него опирается и интерпретация категорического императива как принципа поведения свободного, равного другим и рационального существа [7, с. 222]. Рассмотрим эту

связь рациональности и следования нравственному закону.

Ролз утверждает, что его два принципа справедливости «аналогичны категорическим императивам». Так ли это? «Верность этого принципа [категорического императива] не предполагает наличия у индивида какого-то определённого желания или цели» [3, с. 225]. На достижение определённых, конкретных, т.е. эмпирических, желаний и целей ориентирован гипотетический императив. Категорическому же императиву — пишет Ролз — человек подчиняется только в силу своей природы свободного и равного рационального существа. Но что имеется в виду под рациональностью в теории справедливости как честности? Есть ли это разумность, или только узкая «рациональность экономистов», описанная в «Лекциях»?

Вот как пишет об этом Ролз: «В обосновании этих двух принципов справедливости отсутствует предположение, что у сторон имеются определённые цели; учитывается лишь стремление к определённым первичным благам. Это такие вещи, стремиться к которым рационально, независимо от других имеющихся желаний. С учётом сущности человеческой природы, желание первичных благ — это часть рациональности; и хотя каждый имеет некоторую концепцию блага, ничего не известно о его конечных целях. Предпочтение первичных благ выводится, таким образом, лишь из самых общих предположений относительно рациональности и условий человеческой жизни» [3, с. 225]. То есть, в данной концепции рациональность имеет одно определённое применение — эффективное преследование интересов, удовлетворение базовых потребностей, продиктованных человеку природой и, по Канту, ограничивающих, но не отменяющих его свободы. В таком узком инструментальном смысле она указывает на гетерономность человеческого бытия, и

едва ли, так понятая, может входить в определение автономии (свобода-равенство-рациональность). Принципы, диктуемые инструментальной рациональностью, не могут находиться в статусе кантовских категорических императивов. Они будут лишь гипотетическими.

Но Ролз пишет, что желание первичных благ — лишь *часть* рациональности (точнее, «part of being rational»). Возможно, есть нечто, что составляет другую часть? Лучше понять ролзовский ответ на этот вопрос позволяет ещё одна пара понятий, задействованных в теории американского философа — «интерес» (interest) и «цель» (end / aim). Интерес — это понятие, пришедшее в современную политическую философию из экономической теории, оно используется Ролзом в значении, принятом в теории игр и теории рационального выбора. Интерес — это то, что преследует инструментальная рациональность, в нём, если мыслить кантовски, выражается зависимость человека от природы. Человек вынужден преследовать интересы, однако, полностью сосредоточившись на них, он перестал бы отличаться от животного, лишился бы свободы. Поэтому в кантовской этике над инструментальной рациональностью возвышается разум с его трансцендентальными идеями, задающими пределы и обозначающими цель свободной человеческой деятельности. Категорический императив значим только для рационального *и* разумного существа. Учитывает ли это интерпретация, предложенная Ролзом? Да, в ней рациональный человек преследует не только интересы, но и цели (которые, возможно, поздний Ролз назвал бы разумными). Однако понятие цели у Ролза остаётся принципиально пустым, о целях «ничего не известно». Они не являются предметом соглашения за «занавесом неведения». Наше неведение относительности целей других и незаинтересованность в них, по мнению Рол-

за, есть одно из проявлений автономии. Можно попытаться объяснить возникающий здесь отход теории Ролза от кантианства необходимостью оставить пространство для либерального многообразия ценностей и целей, присущего современным западным обществам, выбором плюрализма как единственной альтернативы фундаментализму (выбором, ставшим ещё более явственным в «Политическом либерализме»). Однако, не разрушает ли этот выбор последовательности кантианской интерпретации?

Представляется, что категорический императив не может работать вне универсализма, присущего кантовской философии. Оставив за рациональностью узкое инструментальное значение и не разработав её роль в широком значении разумности, Ролз задействовал в своей кантианской интерпретации механику гипотетического императива, но функции категорического императива оставил неопределёнными. Следует признать, что сама возможность этического — и политического — универсализма является одной из острейших и фундаментальнейших проблем, стоящих перед современной практической философией. Кант, идеи его философии нравов, политики и истории как универсального процесса, направляемого эволюцией нравов, создают базовые основания для построения такого рода теорий — основания, используемые либеральной англоязычной философией далеко не полностью. В этих условиях интерпретация Ролзом категорического императива в «Теории справедливости» может рассматриваться как важная часть попытки построить мост от англоязычного либерализма к кантианству — попытки, которую сложно назвать завершённой.

Список литературы:

1. *Калинников Л.А.* Категорический императив и телеологический метод // Кантовский сборник. Вып.13. 1988.
2. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. / Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1964. Т. 4 (1)
3. *Ойзерман Т.И.* Категорический императив Канта как предмет критического анализа // Кантовский сборник. 2008. Вып. 1 (28). с. 21.
4. *Ролз Д.* Теория справедливости. Новосибирск, изд-во НГУ, 1995.
5. *Guyer, Paul.* The Possibility of Categorical Imperative. // The Philosophical Review, 3/104, 1995.
6. *Höffe, Otfried.* Kants kategorischer Imperativ als Kriterium des Sittlichen // Zeitschrift für philosophische Forschung, Bd. 31, H. 3 (Jul. - Sep., 1977), pp. 354-384.
7. *Paton, H.J.* The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy. London: Hutchinson, 1947.
8. *Rawls, J.* A Theory of Justice. Revised edition. Harvard University Press, 1999.
9. *Rawls, J.* Lectures on the History of Moral Philosophy. Harvard University Press, 2000.
10. *Rawls, J.* Political Liberalism. Columbia University Press, 1993.
11. *Rawls, J.* Themes in Kant's Moral Philosophy / Kant's Transcendental Deductions. Stanford University Press, 1989. p. 81.

Об авторе

Чалый Вадим Александрович – канд. филос. н., доцент, заведующий кафедрой философии исторического факультета Балтийского федерального университета им. И. Канта, vadim.chaly@gmail.com.

About author

Dr. *Vadim Chaly* – head of Department of Philosophy, Institute for Humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University; vadim.chaly@gmail.com.